

мог иметь подобную репутацию в глазах француза, видимо, благодаря близости к А.С. Шишкову.

Русская переписка графа де Шуазель-Гуффье, свидетельствуя о его прочных и длительных связях со страной давшей ему приют в изгнании, позволяет, прежде всего, определить круг общения видного ученого в России, она содержит новые факты из истории французской эмиграции, и, что не менее важно, сведения из истории русской культуры.

В.Н. Калиновская, О.А. Старовойтова,
С.А. Эзериня

Динамика русской лексической неологии в контексте языковых споров первой трети XIX века¹

Содержательная сторона столь частых в последнее время высказываний аналитиков относительно языковой ситуации на русском культурном пространстве, эмоциональный накал этих дискуссий, востребованность экспертов-лингвистов обществом приводят к мысли о том, что языковой вопрос является одним из самых злободневных вопросов современности. Характер споров относительно того, какое слово «правильнее» или «лучше» употребить – *представление* или *презентация*; *ассамблея*, *конгресс*, *фестиваль*, *форум* или *съезд*, *собор*, *собрание*; *консенсус* или *соглашение* и т. п., – позволяет рассматривать проблему выбора не только в плоскости языковой компетенции говорящего.

В контексте непрекращающихся дискуссий о дальнейшей судьбе русского языка вполне уместным будет провести историческую аналогию и вспомнить об истоках идеологической и эстетической парадигмы, задавшей вектор развития русской культуры на протяжении всего XIX века, к которому все чаще обращаются наши взоры в связи с поисками национальной идеи, и проявившейся частично в XX веке. Роль «Беседы любителей русского слова», юбилей

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.», проект № 11-04-00056а.

которой отмечается в мартовские дни 2011 года, в данном процессе трудно переоценить.

Известный историк русской литературы Александр Николаевич Пыпин, живший в XIX веке, рассуждая о роли языка и литературы в жизни общества, писал: «Литературный язык есть верное отражение умственного и поэтического содержания общества в данную эпоху, отражение тех путей, которыми это содержание развивалось, и отношений, в каких оно находилось к народной старине и настоящему»². Создание «Беседы», активная деятельность этого общества пришлось на десятилетие, предшествовавшее началу пушкинского периода в истории русского литературного языка, с которого начинается постепенная его нормализация. Можно сказать, что «беседчики», как их называли современники, своими публицистическими выступлениями и литературно-критической деятельностью обострили и ускорили решение вопроса о путях развития литературного языка.

Сложившуюся к тому моменту ситуацию можно охарактеризовать следующими чертами: с одной стороны, еще сохраняла свою актуальность ломоносовская теория трех стилей, с другой – продолжалась начавшаяся в Петровскую эпоху иноязычная экспансия, с третьей стороны – нарастал процесс дальнейшей демократизации языка (но уже не с позиций критерия «вкуса», а с позиций «народности» и «историзма»). С особенной силой эти тенденции проявлялись на лексическом уровне, что обусловлено в первую очередь экстралингвистическими причинами.

---

² Пыпин А.Н. XVIII век. Наука и народность: язык народный и литературный // История русской этнографии: В 4 т. СПб., 1890 – 1892. Цит. по изд.: Толстой Н. Взгляды А.Н. Пыпина на историю русского литературного языка (Страничка из истории русской лингвистики) // Russian Philology and History / In Honor of Professor Victor Levin. Jerusalem, 1992. P. 161.

Наиболее остро встала проблема заимствований: к лингвистическим причинам следует отнести развитие лексико-семантической системы языка (количество заимствований неизбежно должно было перерасти в качество, то есть они должны были занять свое место в системе русского языка или быть отброшенными за ненадобностью), к экстралингвистическим — рост патриотических настроений как следствие Французской революции и последовавших за ней событий в российской жизни.

Замечено, что в условиях инокультурной экспансии, или, как это происходит в наши дни, глобализации мира (экономической, идеологической, культурной), проблема национальной самоидентичности является одной из самых насущных. В различные исторические периоды попытки решения данной проблемы были связаны, в частности, с определением отношения к иностранным заимствованиям и носили либо эмоциональный, «креативно-провокационный», либо «охранительный» характер³. Отношение членов «Беседы любителей русского слова», в особенности ее главного идеолога Александра Семеновича Шишкова, к заимствованиям известно, в целом его можно охарактеризовать как пуристическое. В этом он и его соратники не были одиноки: можно упомянуть концепцию П.Ф. Калайдовича, отраженную в Предисловии к «Словарю синонимов», состоящую в том, что употребление иностранных слов — всего лишь дань моде, и на этом основании не включавшего иноязычные эквиваленты в свой словарь⁴.

В попытках Шишкова и его сторонников заменить почти любое иностранное слово на русское, в обращении к церковнославянской книжной стихии исследователи видят

---

³ Елистратов В.С. Язык как зеркало эпохи // Дружба народов. № 9. 2009. С. 179 – 180.

⁴ Калайдович П.Ф. Опыт словаря русских синонимов. Ч. I. М., 1818.

проявление «романтического взгляда на язык как на культурно-исторический организм», представления о языке как воплощении духа народа⁵. Тезис А.С. Шишкова: «Вера, воспитание и язык суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству, которая ведет к силе, твердости, устройству и благополучию»⁶, сформулированный им в известном очерке 1812 года, его рассуждения о языке «как коллективной памяти народа, отпечатавшейся в историческом прошлом языка» и «пагубности разрыва с этим прошлым для национального самосознания» шли в русле разрабатывавшихся примерно в это же время идей В. Гумбольдта, были связаны с формировавшимся у лингвистов интересом к «внутренней форме слова» и, по сути, предвосхищали современные лингвистические концепции, посвященные изучению «языковой картины мира». В области гуманитарных наук зарождалось антропологическое направление, также обусловленное поворотом в сторону личности, ее самооценности – субъективное начало четко обозначилось в словопроизводстве и словоупотреблении.

Занимаясь составлением «Словаря русского языка XIX века», толкового исторического словаря принципиально нового типа – дифференциального, мы имеем возможность собрать и обобщить факты, позволяющие объективно представить динамику лексико-семантической системы литературного языка, характер и направление его развития. В настоящей статье представлены лишь некоторые результаты анализа лексической динамики в подтверждение тех тенденций, которые были заданы «Беседой» в первые десятилетия XIX века.

⁵ Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина. СПб., 1999. С. 30.

⁶ Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству // Чтения в Беседе любителей русского слова. Кн. 5. СПб., 1812. С. 54 и др.

I. Продуктивность определенных словообразовательных моделей.

Нарастание в сравнении с XVIII веком конфиксальных образований с префиксом *без-/бес-*, в ряду которых наблюдается большое число имен прилагательных и связанных с ними абстрактных имен качества, свойства: *бескачественный, бесклассный, бесколичественный, бескрайный (бескрайность), бесколоритный, бескрасочный, бесталантный – бесталантливый, беспаспортный (беспаспортность), бесперспективный, бесплатный (бесплатность), бессвязный, бессодержательный, бессознательный, бесцельный*, — можно интерпретировать как отражение в сознании общества тех изменений, которые характеризовали XIX век (настроения критицизма, отрицания). Оно также было связано с дальнейшей эволюцией научного типа мышления: систематизация накопленных фактов продвигалась от создания номенклатуры к сложению стройной структурированной системы в различных областях знаний. Формирование «метафизических» терминов касалось разных сфер жизни: научной, социальной, духовной. На базе отдельных лексем формировалась новая образность: *бескрылый кузнечик → бескрылый слог*.

Среди неологизмов данной группы интерес представляет лексика, которую можно охарактеризовать как термины, обозначающие понятия этической сферы. Выделяется несколько подгрупп: 1) семантическое ядро образуют традиционные для русской христианской культуры слова/понятия «совесть» и «стыд» (*бессовестность, бессовестница, бестыжество, бестыжество, бестыжий*); 2) слова, образованные на базе заимствований, привнесших в русскую культуру представления о светском этикете (*бесцеремонный → бесцеремонность, беспардонный → беспардонность, бестактный*) и 3) лексика с русской и иноязычной производящей основами, относящаяся к сфере

социальных отношений (*бесконтрольный* — *бесконтрольность*, *бессудие*, *бессудность*, *бессемейный* — *бессемейность*, *бессловный*, *беспартийный* — *беспартийность*, *бесцензурный*, *бесхозяйственный*).

II. Освоение лексики в определенных грамматических категориях языка для русского языка — в силу свойств системы — является важной особенностью проявления национальной идентичности.

В русском языке признаковость проявляется в: 1) образовании прилагательных: *аквариумный*, *акварный*, *аквамариновый*, *акварельный*, *акватинтный*, *акватинтовый*, *аквафортный*, *аквилонный*, *аккомодативный*, *аккомодационный*, *аккомпанементный*, *аксессуары*, *акропольский* (*акрополисский*) и мн. др.; 2) образовании наречий: *акварельно*, *аккордно*, *аккуратненько*, *актёрски*, *аксиоматически*, *водянисто*, *европейски* и мн. др.

Неология, как и прежние элементы языковой системы, вступает в определенные системные отношения. Так, варианты формы, возникшие в силу различных обстоятельств (источник заимствования, тип основы, характер словообразовательного элемента и т. д.): *аквариумный* — *аквариумовый* — *акварный*, *акефалический* — *акефальный* — *акефальский*, *аккредитация* — *аккредитовка*, *аккомпанемент* — *аккомпанировка*, *акклиматация* — *акклиматизация* — *акклиматизирование*, *акклиматизировать* — *акклиматизовать* — *акклиматировать*, *аккумуляция* — *аккумуляирование*, *аккуратист* — *аккуратник*, *аккуратненько* — *аккуратнёхонько*, *бесноватый* — *бесный* — *бесовый* — *бесоугодный*, *водяной* — *водянистый*, *водяность* — *водянистость*, образуют последовательности, организованные в соответствии с разными принципами — системности (напр., градуальность признака) и действия

антропологического фактора (напр., сфера употребления, авторское словотворчество и т. п.).

Любопытной иллюстрацией сложного процесса заимствование → осмысление → переосмысление может послужить функционирование новообразований *акклиматация* — *акклиматизация* — *акклиматизирование*. Первый элемент ряда употребляется довольно редко и к 60-м гг. XIX в. выходит из употребления. Лексема *акклиматизирование*, более «русская» по словообразовательному аффиксу, все же употребляется реже, чем *акклиматизация*, кроме того, ее иногда еще более ассимилируют, используя написание *оклиматизирование*, которое выглядит неслучайным и с точки зрения внутренней формы (о- - охват действием'), и с точки зрения системности явления (ср. синонимический ряд *акклиматизировать* — *отуземить* — *окультурить*). В отдельных случаях появляются любопытные контекстуальные синонимы, которые объясняют еще, возможно, не всем понятное слово *акклиматизация* = *осибирячение*.

Нарастание употребления лексем с оценочными суффиксами, в том числе от заимствованных основ, в письменной речи: *акварелька*, *аккордик*, *аккуратненький*, *аккуратнёхонько*, *актёрик*, *актриска*, *актрисочка*, *актёрничание*, *актец*, *байроничать*, *бесенок*, *европейничанье* и т. п. — с несомненностью указывает не только на усиление субъективного начала в языке, но и на постоянно протекающий процесс адаптации заимствованной лексики, прошедшей этап ментализации, смену культурных парадигм.

Особенности национального бытия и сознания оказывают непосредственное влияние на формирование русской научно-технической номенклатуры. Эта лексическая сфера является одной из наиболее проницаемых для вторжения заимствований, однако в ряде случаев иноязычная лексика уступает свои позиции перед терминологией, создаваемой на русской основе. Например, в области

действия концепта «вода» как чрезвычайно значимого для русского человека («Где люди без земли от холода-голода издыхают, а мы без воды погибам. Где аграрный (у нас выговаривают «аграрный»), а у нас акварный вопрос»⁷) – вода как источник жизни, и как основа межнациональных связей (вспомним о значении рек и морей в русской истории), и как движущая сила, элемент различного рода производств – количество иноязычных вхождений в XIX веке минимально по сравнению с собственно русскими композитами. Заимствования как с начальным компонентом *аква-*, так и с компонентом *гидро-* встраиваются в особую нишу, нехарактерную для традиционного уклада русской жизни: *акваоффана, акваманил, аквамаринный, аквапунктура, аквариане, акварида, аквариий (аквария), аквариум, акварция, акватинта, аквафорта, акваторы, акватория, акветта, аквилегии, гидросфера, гидромедузы, гидрогеология*. Некоторые из них активно встраиваются в систему языка на всем протяжении века, постепенно обрастая производными: *аквариум* → *аквариумный, аквариумист* → *аквариумистика* (XX в.); *акварель* → *акварельный* → *акварельно*; *акварель* → *акварелист* → *акварелистка*.

К концу XIX века в языке фиксируется значительный массив новой лексики с первым компонентом *водо-*, причем в ряде случаев заимствования XVIII века вытесняются соответствующими русскими кальками (например, слово *водобоязнь* как медицинский термин вытесняет вошедший в XVIII веке интернационализм *гидрофобия*). В данной лексической группе наблюдается и несколько прямых семантических калек (например, существительное *водолечение* – фр. *hydriatics*, англ. *hydroathy*, обозначающее ставший столь популярным в это время вид терапии, или название химического элемента *водород*), однако подавляющее большинство лексики данного разряда –

⁷ Рыболов. О «вольных ловцах» // Наш путь. 1907.

русские новации: *водогнёт, водогрейка – водогрейня, водоёмкий – водоёмкость, водоизмеритель – водоизмерительный, водокачка – в одокачальный, водомерка (насекомое), водоналивной, водонапорный, водоочистительный, водоподъемный – водоподъемник, водопроводчик, водосборный – водосбор* (для обозначения действия), *водослив – водосливный* и т. д.

III. Категоризация средствами языка лингво-психологических моделей, отражающих специфику национального самосознания.

В связи с формированием новой культурной парадигмы в языке происходит категоризация словообразовательных моделей. Например, типичной моделью является образование при помощи суффикса *-ист* имени существительного – наименования лица, которым обозначаются сторонники, последователи или апологеты: *Все в природе есть целость – не так ли ... как тебя, шеллингист, или гегелист?* (В.Ф. Одоевский «Саламандра» (1841)); *Что же мне начальство? Я не каткист, или не аксаковец: я всем доволен и рад стараться...* (Н.С. Лесков «Божедомы» (1868)). Отступление от заданной схемы, ее творческое переосмысление и создание новых единиц: *байронист / байрониак / байрончик* – ведет к тому, что на привычном языковом фоне слова морфологически и содержательно выделяются и, таким образом, актуализируются. Они привлекают внимание, возбуждают интерес, приобщают носителя к постоянно изменяющемуся языковому и культурному миру и позволяют выразить собственное отношение, позицию, убеждения: *Он <Пушкин> не был фанатическим Байронистом: скорее назовем его Байрониаком* (П.А. Вяземский «Мицкевич о Пушкине» (1873)); *Как много развилось у нас в то время байрончиков, которые как Трилунный считали (по крайней мере в стихах) за муку и кару быть в толпе бессмысленных людей, как мы*

верили и в разочарование наших байрончиков... и как мы мало способны были понимать своего великого поэта, своего Пушкина (А.А. Григорьев «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики» (1861)).

Подобная «словесная инструментовка» является средством и одновременно причиной развития чрезвычайно важной для русского литературного языка функционально-коммуникативной модели. В русской культурно-языковой среде XIX века все более совершенствуется возникший ранее компактный способ хранения информации – иерархия стилей и жанров способствует тому, что вместо бесконечного накопления одномерных единиц языка каждая единица языка (например, слово) как знак текста стала проявляться в связи с ее смыслом в системе.

Исследованные трехчленные оппозиции *байронизм* – *байронство* – *байроновщина*, *вольтерьянизм* – *вольтерьянство* – *вольтеровщина*: *европеизм* – *европейство* – *европейничанье* и мн. др. подтверждают вывод о стилистическом расслоении вариантов, которые в то же самое время могут выступать как идеологемы. У представителей русской общественной мысли середины XIX в. резкое осуждение вызывало не критичное отношение к различным, в первую очередь заимствованным, явлениям, которое выражалось, например, в ключевых словосочетаниях *рабское подражание* (В.Г. Белинский, И.С. Тургенев), *рабское копирование* (Ф.М. Достоевский). На этой почве каждое явление может и должно быть охарактеризовано чисто субъективно, отсюда наличие лексем типа *байроновщина*, *вольтеровщина*, *европейничанье*, выражающих негативную оценку говорящего.

Антропоцентричность языка XIX века ярко проявляется в организации семантического пространства «человек». В русской языковой картине мира оно представлено лексико-семантическим макрополем, которое характеризуется разнообразными парадигматическими отношениями, что

доказывает подчиненность внутренних характеристик поля общим системным закономерностям организации словарного состава языка: ядерные и периферийные группы лексем, синонимические, антонимические, деривационные, тематические связи элементов, прямые и переносные значения у целого ряда лексем, имеющих общую грамматическую сочетаемость.

Новые номинации создают образ человека с самых разных точек зрения:

1) внешность: *мраморный*, *фарфоровый* (о цвете лица, кожи) и др.;

2) внутренние качества, свойства и характеристики: *аккуратист*, *брезгливец*, *брезгливица*, *буквоед*, *бунтарь*, *бунтарка*, *бьяка*, *веротерпимый*, *взрывной*, *влиятельный*, *восприимчивый*, *всезнайка*, *высокообразованный*, *дандизм* и др.;

3) характер бытия, существования: *безуметь*, *обезуметь* (растворение в состоянии), *обезумить*, *обезлошадеть*, *обезличить*, *обезлесе/ить*, *обезземеле/ить*, *обезножить* (ср. в «Словаре Академии Российской»: *обезножеть*) и др.

В литературном языке XIX века, как в зеркале, отражается общая направленность развития русского общества в конкретный период его истории, его заинтересованность в определенных сторонах жизни. Значимость культурной составляющей по отношению к материальной стороне бытия можно проиллюстрировать на примере имеющей давние исторические корни группы сложных слов с начальным компонентом *высоко-* в значении 'в высшей степени, очень, весьма'. Так, в 1830 – 40-е годы, продолжая традицию предшествующей эпохи с ее просвещенческой инерцией XVIII в., эта лексическая группа пополняется прилагательными, положительно оценивающими человека как личность: *высокообразованный*, *высокоталантливый*. К концу века общественные акценты смещаются в сторону материальной сферы и на передний

план выходят новации с оценкой уже не человека (из них на рубеже XIX – XX веков зафиксировано только слово *высокоинтеллигентный*), а предметов, связанных со сферой производства: *высококачественный, высокосортный, высокопитательный, высокопроизводительный, высокоурожайный* и т. п.

Изменения в социальной жизни привели к возникновению, во-первых, новых профессий и названий человека по роду деятельности: *акварелист, аквафортист, аквариумист, аккомпаниатор* и др., а во-вторых, появление соотносительных вариантов женского рода как к новообразованиям, так и к уже существовавшим наименованиям мужского рода: *акварелистка, аккомпаниаторша, аккуратистка, берлинка* (жительница Берлина) и др.

Новые номинации не только создают образ человека, но и оценивают его. Будучи использованными в качестве средств экспрессивной характеристики, такие лексемы демонстрируют преобладание в них оценочного компонента (мейоративной или пейоративной окраски): *актеришко(а), актрисуля, буквоед, взяточник, воротила, всезнайка, втируша*. Установленный факт полярности весьма важен, так как подтверждает одно из положений антропологической лингвистики об определенной иерархии структуры образа человека в русской языковой картине мира, устанавливаемой через оценочные коннотации.

Целенаправленное выявление лексических и семантических новаций XIX века (на базе «Словаря современного русского литературного языка» (Т. 1 – 17. М.-Л., 1948 – 1965) при сравнении его с материалами «Словаря русского языка XVIII века» (1984 – ...), а также данными текстовых баз BOOKS.GOOGLE.COM и RUSCORPORA.RU) по первым трем буквам алфавита дало около 2500 лексических новаций, вошедших в дальнейшем в русский литературный язык. Учитывая особенности составляющей

эти массивы лексики (А – преимущественно заимствования, В – смешанная по генезису лексика, В – преимущественно русская лексика), можно попробовать сделать предварительные оценки **реальной картины** новационных лексических процессов, протекавших в русском языке на протяжении XIX века. Полученные результаты распределились следующим образом:

А: чистые (безаффиксные) заимствования (I тип) – 160 ед., заимствования, испытавшие воздействие русской словообразовательной системы и получившие в ходе адаптации русские аффиксы (II тип), – 336 ед., собственно русские образования – 14 ед.;

Б: заимствования I типа – 154 ед., заимствования II типа – 165 ед., русские новации – 398 ед.;

В: заимствования I типа – 75 ед. (в т.ч. 6 ед. из восточных языков), заимствования II типа – 143 ед., русские новации – 1056 ед.

Суммируя данные, получаем такие результаты: заимствований – 1033 ед. (в т.ч. безаффиксных чуть больше трети – 389 ед.), неологизмов на русской основе – 1468 ед.

Итак, лексико-динамическая картина XIX века на фоне таких экстралингвистических обстоятельств, как обширное территориально-географическое положение России, дальнейшая экономическая, научная и культурная интеграция страны в мировое сообщество и открытость русского общества XIX века для влияния извне, **объективно** выглядит следующим образом: лексическая система русского литературного языка активно пополняется за счет разных источников новаций достаточно **сбалансированно**, тем самым примиряя между собой «пуристов»-«славянофилов» и «западников». Заимствования за небольшим исключением претерпевали полную фонетическую и грамматическую адаптацию, русифицировались (группа несклоняемых существительных и неизменяемых прилагательных составляет менее 1% от общего числа заимствований),

активно включались в процесс формирования словообразовательных гнезд с использованием русских аффиксов и тем самым становились органичной частью лексического фонда русского литературного языка.

М.Н. Приёмьшева

Индивидуально-авторская лексика в поэзии старших архаистов (Г.Р. Державин, А.Х. Востоков)¹

В своей вступительной речи при открытии «Беседы» А.С. Шишков отмечал: «Самое главнейшее достоинство человека, причина всех его превосходств и величий, есть слово, сей дар небесный, вдохновенный в него, вместе с душою, устами Самого Создателя»², и через данное почти философское утверждение подводил к тому, что именно «язык и словесность отличили человека от человека»³.

Как само возникновение названия общества, так и такой гимн Слову в начале XIX века закономерны. Так, И. Киреевский отмечал: «Начало девятнадцатого столетия в литературном отношении представляет резкую противоположность с концом восемнадцатого. В течение немногих лет просвещение сделало столь быстрые успехи, что с первого взгляда они являются невероятными. Кажется, кто-то разбудил полусонную Россию. Из ленивого равнодушия она вдруг переходит к жажде образования, ищет учения, книг, стыдится своего прежнего невежества»⁴. «Если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.», проект № 11-04-00056а

² Шишков А.С. Речь при открытии Беседы // Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн 1. СПб., 1811. С. 1.

³ Там же. С. 6.

⁴ Киреевский И. Обзор русской словесности 1829 года // Киреевский И. Критика и эстетика. М., 1998. С. 57.